

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 2 de octubre de 1958

Буэнос Айрес, четверг 2 октября 1958 года № 454

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

93. КИТАЙСКАЯ ДИВЕРСИЯ В ВОДАХ ТАЙВАНА. — СТРАННОЕ СООБЩЕНИЕ О НАЗНАЧЕНИИ Н. А. БУЛГАНИНА. — ОВОЩНОЙ КРИЗИС В СССР. — ОПАЛА МИНИСТРА И. Г. КАБАНОВА И ПОЛУОПАЛА С. М. ТИХОМИРОВА. — НОВЫЕ ПОСЛЫ СССР. СМЕРТЬ Д. А. КОРОСТЕЛЕВА И В. Д. КАЛАШНИКОВА.

В прошлой моей статье я истолковал посылку на Дальний Восток лучшего советского флотоводца адмирала В. А. Фокина, как симптом подготовки военно-морских авантюры при содействии советского Китая, который выступит застрельщиком. Так это и случилось. Более того, теперь можно думать, что самый план был согласован во время таинственного визита Хрущева к Мао-Тзе в сопровождении маршала Малиновского и зав. сектором иностранных компартий ЦК Пономарева, о котором я писал по поводу его “выборов” членом-корреспондентом Академии Наук по разделу исторических наук. Несомненно, что Мао-Тзе настаивал на отказе Хрущева от поездки на сессию Объединенных Наций, если туда до сих пор не пускают Красный Китай. Хрущев же ответил, что Китай должен себя показать выступлением против Тайвана, которое должно начаться после Ассамблеи Объединенных Наций.

Читатели знают, что Ассамблея привела к провалу планов СССР и показала, что арабский мир (как я много раз писал) имеет свое лицо и не желает входить ни в советскую, ни в американскую орбиту. Единогласно была принята предложенная Суданским делегатом от имени 10 арабских государств (Ирака, Иордании, Ливана, Ливии, Марокко, Саудовской Аравии, Судана, Туниса, Объединенной Арабской республики и Йемена) резолюция, уполномочивающая генерального секретаря принять меры к разрешению всех спорных проблем, вызвавших эту Ассамблею. Соед. Штаты и СССР сняли свои проекты резолюций, и в результате было отклонено фактически советское предложение об осуждении “англо-американской агрессии” и признано, что их войска покинут Иорданию и Ливан, когда конфликт будет урегулирован. Таким путем отклонено непрошенное вмешательство СССР в споры арабских государств между собой, а Ливан и Иордания продолжают пользоваться защитой англо-американских гарнизонов от внешних и внутренних врагов. В то же время остается в силе американское предложение о банке по оказанию экономической помощи арабскому Востоку.

Резкий протест Громыко против того, что “частные лица, находящиеся на месте Китая в Объединенных Нациях являются отнюдь не представителями великого Китая, а всего лишь агентами клики политических банкротов, доживающих свои дни под защитой войск Соед. Штатов”, отклонен 71 голосом против протестовавших Бирмы, Индонезии, Арабской республики Нассера, Непала, Цейлона, Камбоджи, Чехословакии, Польши, Болгарии и Албании. Но СССР сам виноват в безвыходном для него в этом вопросе положении: Китай при создании Объединенных Наций признан Великой Державой-Основательницей с постоянным местом во всех руководящих органах и поэтому, как Соед. Штаты, Великобритания, СССР и Франция никак не переизборам не подлежат и никакое голосование не может его устранить тем более, что подавляющее большинство враждебно Красному Китаю за его посылку “доброволь-

цев” в Корею для войны против войск Объединенных Наций.

Поэтому Мао-Тзе стремится снова к попытке овладеть Тайваном или по крайней мере его форпостными укреплениями на островах, лежащих у самых берегов Китая.

22-го августа закрылась Ассамблея и в тот же день пекинское правительство протестовало против высадки 2.000 чел. американской морской пехоты в Сингапуре, хотя этот далекий от Китая порт не является базой против китайских коммунистов и протестовать мог бы скорее Красный Вьетнам или заигрывающее с СССР правительство Камбоджи.

На другой день подняла шум советская печать, начав ожесточенную кампанию против “американских пиратов”, держащих свой флот у берегов Китая. В тот же день начался ураганный огонь китайских коммунистических береговых батарей против острова Кемоя — первого объекта новой задуманной Мао-Тзе совместно с Хрущевым авантюры, в которой Соединенные Штаты могут снова, как в Корею, быть втянуты в войну, а СССР останется пока в стороне, поднимая новых противников против Соед. Штатов во всех уголках земного шара.

Пока же советские сообщения ежедневно говорят о потерях китайских националистов при бомбардировке авиацией и береговой артиллерией коммунистов. Идут упорные слухи, что в район будущих военных операций уже прибыли советские команды, снабженные атомным оружием ближнего действия для бомбардировки островов, занятых националистами; но лишь твердая позиция американского правительства и командования может заставить Мао-Тзе прекратить бомбардировку и отказаться от попытки высадки десанта на острова занятые 200 тыс. националистов (треть всех их вооруженных сил). Для Мао-Тзе победа, хотя бы частичная, облегчила бы возможность выступления в Объединенные Нации и укрепила бы его престиж внутри коммунистического блока, где единодушие носит скорее призрачный характер. Я мало придаю значения распускаемым западной печатью слухам, что Мао-Тзе действует под влиянием Молотова, который, якобы, из Монголии дает ему советы, как бороться против притязаний Хрущева на диктатуру среди коммунистических стран и как поддерживать внутри СССР оппозиционные личностные диктатуры Хрущева элементы в ЦК. Такие маневры вызвали бы немедленное отозвание Молотова из Улан-Батора.

Загадочно звучит опубликованное 16-го августа сообщение о назначении Н. А. Булганина председателем Ставропольского совнархоза с добавлением: “Тов. Булганин Н. А. приступил к исполнению своих обязанностей”. Затем указано, что он “освобожден от обязанностей Председателя Правления Государственного Банка СССР” и на его место назначен некий А.К.Коровушкин в обход обоих заместителей председателя правления В.С.Горашенко и А.А. Кудрявцева.

В этом странном сообщении поражает впервые встречаемые мной в та-

ких сообщениях слова: “приступил к исполнению своих обязанностей”! Что это значит? Хотели ли поведать читателям, что в самый день подписания председателем Совета Министров РСФСР Д.С.Полянским (совнархозы подчинены компетенции правительств союзных республик, а не СССР) этого постановления Булганин уже был не в Москве, а в Ставрополе и сел сразу в кабинет председателя совнархоза за его письменный стол? Или, что он уже работал в этом совнархозе в качестве консультанта, как я об этом раньше писал, а после длившегося некоторое время унижения услышал по радио новое решение своего московского начальника Полянского и перешел в тот кабинет, куда вчера его не пускали без доклада секретарши председателя? Во всяком случае, это подтверждает полученное мной из частного источника сообщение, что по выходе из больницы несчастный, но заслуживший свое унижение, старик получил “путевку” ЦК явиться немедленно в Ставрополь в распоряжение председателя правления совнархоза “для использования по специальности”. Затем Хрущев смилостивился и через своего холопа Полянского велел посадить скрипевшего над бумагами в захолустном совнархозе бывшего своего “снамского близнеца” по визитам к Тито, Неру и королеве Елизавете в кабинет председателя совнархоза. Глухой и подавленный своими невзгодами Булганин робко сел в этот кабинет и трепещет, что Хрущев при малейшем ропоте его на судьбу пошлет его “хвосты жеребца заплетать” на какой-нибудь конский завод Сев. Кавказа или смотреть за свиноматками в какой-нибудь животноводческий совхоз с “поручением догнать и перегнать Америку” по производству поросят советскими свиноматками!

Булганин не лишен мундира и может явиться на какое-нибудь празднество в парадной форме маршала, как и отставной маршал Жуков. Трудно решить: чей конец хуже? Берни ли, расстрелянного в качестве опасного врага или жалких Жукова и Булганина, которым суждено доживать свой век в унижении в глазах тех рядовых партийцев, которые раньше перед ними трепетали. Думаю, что сейчас в СССР больше презирают Булганина и Жукова, чем боятся мести со стороны Молотова или Кагановича (Маленкова, если жив) в случае их возвращения к власти.

Советская печать трубит во все трубы о превосходном урожае, стыдливо добавляя, что в одной области опоздали с уборкой, в другой нет автомашин для вывоза зерна, в третьей есть автомашины, но нет горючего, словом, обычная советская “плановая” неразбериха. Однако, о нехватке овощей нам “сигнализирует” следующее неожиданное сообщение ЦК КПСС:

“В ЦК 16-го августа состоялось совещание по вопросу производства овощей, картофеля, плодов и ягод для снабжения городов и промышленных центров. На совещании выступил первый секретарь ЦК и председатель совета министров СССР тов. Н.С. Хрущев. В работах совещания приняли участие секретари ЦК т.т. Н.Г.Игнатов

и Н. А. Мухитдинов. Тов. Н.С.Хрущев поставил важнейшей задачей обеспечить в достатке производство овощей, картофеля, фруктов и ягод, для полного удовлетворения потребностей всего населения страны в этих продуктах... необходимо вблизи городов создать крупные специализированные совхозы, которые... могли бы производить большое количество картофеля и овощей... для этого подобрать хорошие кадры специалистов-энтузиастов этого дела... Тов. Н.С.Хрущев обратил внимание на необходимость расширения в совхозах и колхозах садов и ягодников, чтобы производить значительно больше фруктов и ягод для населения... серьезно улучшить транспортировку, хранение и торговлю овощами, картофелем и фруктами... На совещании присутствовали секретари ЦК партии союзных республик, зам. председателей госпланов и министров сельского хозяйства союзных республик, руководящие работники, ученые и специалисты сельского хозяйства... были показаны новые машины для возделывания картофеля и овощей и для механизации работ в садах и ягодниках... показана выставка плодов овощной станции Сельхоз. Академии, руководимая академиком В. И. Эдельштейном”.

Эта длинная цитата показывает полное неблагополучие в снабжении городов сейчас, в летнее время, овощами, ягодами и даже картошкой, спасавшей нас во время периодических в СССР голодовок городского населения по случаю то гражданской войны, то коллективизации, то напряжения очередных пятилеток. Пришлось не только Хрущеву произносить речи “о пользе картошки и ягод” для горожан, но и беспокоить вызовом в Москву секретарей союзных республик из далеких Ташкента и Тбилиси, Алма-Аты и Кизилорды, Фрунзе и Баку. Значит и сегодня после “триумфальных” 40 лет партийного хозяйничанья надо спрашивать академиков, как вырастить капусту или брюкву, огурцы или клубнику, чтобы в нашей России ее перевозить и продавать в магазинах любого города. Это проблема государственной важности для Хрущева, Игнатова и Мухитдинова; опять надо в городах создавать громоздкие “овощные хозяйства” с целым штатом партийных бездельников и организацией партийной учебы для огородников, чтобы внушать им марксистско-ленинский энтузиазм для посадки картофеля и огурцов, которыми компартия не умеет до сих пор снабжать наших мечущихся из магазина в магазин домашних хозяек. Где найти в СССР хороших огородников, когда партия сознательно их истребляла? В моей памяти сейчас встает могучая фигура моего друга рязанского огородника Константина Ивановича Гречищева, когда его привели весной 1930 г. в набитую нашу камеру. Всякая тюремная шпана с уважением говорила о нем: “он любого из нас соплей с ног свалит!” Гречищев — из рязанских крестьян — нажил при Царе миллионное состояние своими огородами, снабжавшими овощами обе столицы; поэтому его (к тому же церковного старосту) постоянно сажали в тюрьму золотником в родной Рязани. При НЭП’е ему

8 сентября с.г., в 18. 05 час., в Буэнос Айресе скоропостижно скончался от разрыва сердца

ЛЕВ КОНСТАНТИНОВИЧ СИВЕРС

(кадет Первого Кадетского Корпуса, вып. 1912 г.)

После отпевания, состоявшегося 9 сентября с.г. в 16 час. в Храме Св. Духа (Облигато 2130), тело почившего было предано земле на Английском Кладбище (Чакарита), о чем извещают

супруга почившего Людмила Антоновна Сиверс и пасынок Георгий Иванович Гончаров

Н. Поточкин

Недоноски российского либерализма

2

Деятельность Временного Правительства, как такового, на всем протяжении его эфемерного существования, беспристрастный русский историк, стоящий на основе подлинного русского национализма, не сможет, думается нам, охарактеризовать иначе, как **преступную** в отношении интересов нашей Великой Родины. Мы не будем говорить о том, что почти все его члены до революции принимали более или менее активное участие в подготовке свержения Монархии, (а Гучков, напр., был одним из его главных организаторов) и притом свержения во время войны, т.е. были прямыми участниками насилия над волей народа, который в подавляющем своем большинстве об этом свержении и не помышлял, и нанесли смертельный удар самым жизненным его интересам, ибо сорвали несомненную победу над внешним врагом и последующий столь же несомненный взлет нашей Родины на еще небывалые высоты внутреннего расцвета и международного престижа. Мы скажем только о тех преступлениях, которые эти люди совершили уже в качестве носителей верховной власти в России после Февральского переворота. Перечислим эти преступления:

Первое из них состоит в **аресте и заточении Царской Семьи**. Какие моральные и юридические основания имело Временное Правительство арестовать Государя, Государыню и их Детей, после того, как актом отречения Императора и Его Семьи превратились в равноправных граждан свободного государства? Если на основе подлой клеветнической кампании против Царя и Царицы, ведшейся нашей левой общественностью, во главе с Гучковым и Милюковым, Временное Правительство могло только предполагать их виновность перед нацией в государственной измене, то, во-первых, имело ли оно право лишить их свободы, не имея еще никаких улик против них в этом отношении, а во-вторых, какое же право оно имело арестовать их Детей, которые к этим предполагаемым «преступлениям» не имели абсолютно никакого отношения? Продолжение же их заточения после того, как «особая следственная комиссия Руднева» установила их полную невиновность в чем бы то ни было, явилось уже полным попра-

нием тех прав свободной личности, поборниками которых были все эти господа либералы. Если бы эти милостивые государи были действительно искренними защитниками этих прав человека и гражданина, то они должны были бы не только немедленно освободить Царскую Семью, но и привлечь к судебной ответственности тех, кто на нее клеветал, т.е. в первую очередь большинство членов самого Вр. Правительства.

Другим преступлением этого Правительства является **невывоз Царской Семьи за границу**. Набоков пишет прямо: «если бы правительство немедленно, 3-го или 4-го марта, проявило больше находчивости и распорядительности, удалось бы получить от Англии согласие на приезд туда Николая, и он был бы тотчас вывезен». Указание на последовавший отказ английского правительства впустить Царскую Семью в Англию является пустой отговоркой: на Англию свет клином не сошелся, были другие страны — и, в первую очередь, Дания, родина Императрицы Марии Феодоровны, — которые, без всякого сомнения, оказали бы гостеприимство отрешенному Императору и Его Семейству. Почему Вр. Правительство не предприняло никаких шагов для этого в других союзных или нейтральных странах? Почему оно не сделало этого впоследствии, уже тогда, когда имело много данных предполагать, что и само оно не удержится у власти, которая перейдет в руки тех закоренелых ненавистников Монархии вообще и Императора Николая II в особенности, которых ничто не остановит от физического уничтожения Царской Семьи?

Таким образом, несомненным является тот факт, что кровь Царя-Мученика и Его Семейства ложится несмываемым позором не только на их физических убийц — большевиков, но и на тех, благодаря преступному и бесовскому бездействию которых эти Мученики попали во власть Ленина и всей его кровавой шайки. И лично я уверен, что если у Керенского сохранилась еще хотя бы искра человеческой совести то ее угрызения не могут его не мучить, когда он думает — если только он думает! — о гнусной бойне в Ипатьевском подвале. Ибо он мог сделать больше чем кто-либо другой из членов Вр. Правительства и для освобождения

Царской Семьи и для ее вывоза за границу.

Следующее преступление Вр. Правительства состоит в **допущении развала вооруженных сил страны**, которые перед его пришествием к власти были наилучшим образом подготовлены к окончательному изгнанию врага из пределов родной земли и к решительному разгрому Германии и ее союзников. В этом отношении основным пунктом обвинения должно быть опубликование приказа № 1 или, во всяком случае, то, что он не был отменен после опубликования. Если принять во внимание, что появление этого гибельного для армии приказа относится к самым первым дням существования Вр. Правительства, то можно с полным основанием утверждать, что Вр. Правительство могло помешать его опубликованию или аннулировать, когда он уже появился. Тот же Набоков свидетельствует, что именно в эти первые дни авторитет Вр. Правительства стоял очень высоко. Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов пользовался еще очень незначительным влиянием на солдатские и рабочие массы. В Действующей Армии подавляющее большинство частей сохраняло порядок и слушалось своих офицеров. А потому, можно смело утверждать, что если бы Гучков, как военный министр, и Керенский, как «заложник демократии» в рядах Вр. Правительства, энергично и мужественно восстали бы против вступления в силу этого злополучного приказа, положившего начало развалу Армии, и если бы все Правительство целиком пригрозило бы своим уходом в случае оставления этого приказа в силе, то трусливый еще тогда Совет и худшие элементы армии, бывшие еще в незначительном меньшинстве, не осмелились бы настаивать на его сохранении, и Армия могла бы быть еще спасена и осталась бы боеспособной.

Точно так же трусливо и нерешительно вело себя Вр. Правительство в деле восстановления порядка и дисциплины в Армии и в последующие месяцы. Несмотря на вопли командного состава Действующей Армии, оно не сделало абсолютно ничего для духовного оздоровления солдатских масс, для поднятия авторитета офицеров, для беспощадной борьбы с дезертиризмом, неисполнением боевых приказов, бра-

ПАРИЖСКИЙ ОТДЕЛ НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ тяжело переживает утрату своих многолетних и труднозаменяемых соратников

ФЕДОРОВА

Владимира Ивановича

с к о н ч а в ш е г о с я 15 августа с.г.

и

ГАРМАША

Андрея Митрофановича

с к о н ч а в ш е г о с я 22 августа с.г.

Оба они, будучи друзьями в личной жизни, одновременно стали проводниками идей Ивана Лукьяновича Солоневича, одновременно стали и членами Парижского Отдела, и, вот, одновременно ушли и из жизни.

И оба они были как-то одинаково бескорыстно жертвенными, скромными, не ищущими ни благодарности, ни популярности. И оба они были заслуживающими только уважения и подражания.

Мы — их соратники — в нашем горе не одиноки. Мы знаем, что их уход из жизни так же тяжело переживают и все те, кто их знал в жизни.

Знаем мы и то, что добрая память о них будет жить долго. Как долго-долго не забудутся и их могилы на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

таннем на фронте с немцами, самовольным оставлением позиций и т.п. А между тем, даже летом 1917 г. оно имело в своем распоряжении еще много неразложившихся частей — старые кадровые пехотные полки, кавалерия, казаки, артиллерия, только что сформированные ударные батальоны и т.п., — опираясь на которые, оно могло не одним «главноуговариванием», но и суrowыми, вплоть до расстрела, мерами вернуть армии дисциплину и боеспособность. Лично я могу засвидетельствовать, что после назначения верховным главнокомандующим генерала Корнилова солдаты моей батареи, стоявшей в резерве рядом с несколькими пехотными полками, искали среди них «земляков» и возвращались отсюда с рассказами о том, как уже подтянулась пехота, как там ведутся правильные занятия, восстановлено отдание чести и т.п. Но что могли понимать в этом деле вчерашние адвокаты, все военные доктрины которых сводились к принципу «демократизация армии»? Как могли они стать на сторону униженного и лишено власти командного состава армии, со стороны которого им

Александра Воронцова

по черноморскому побережью

1. О Д Е С С А

Экскурсии последних лет и посещение Запада всевозможными научными делегациями и группами научных работников принудили советское правительство, в порядке обмена, допустить посещение советского государства хотя бы в очень ограниченных пределах отдельными группами иностранных туристов, представителей различных научных профессий и работников разных видов искусства. Большинство посетителей советской страны следовало по следующим трем маршрутам: Варшава-Москва-Ленинград с возвращением морским путем через Швецию или Вена-Прага-Киев-Москва-Ленинград с тем же обратным путем через Швецию. Гораздо реже были маршруты морем через Одессу на Киев-Москву-Ленинград и еще реже маршруты по Черноморскому побережью Одесса — Крымские и Черноморские прибрежные города — Батуми.

Мне повезло сопровождать группу иностранцев, как раз по последнему маршруту, в качестве переводчицы; сначала показалось немного досадным, что в отличие от моих товарищей, по сопровождению описанных в «Нашей Стране» советских экскурсий, мне не пришлось повидать ни одной из трех исторических русских столиц: стольного Киева, Белокаменной Москвы и Творения Великого Петра на берегах Невы — его «окна в Европу»; но меня быстро утешили следующие два соображения: я поеду по значительно менее посещаемому теперь иностранцами маршруту и смогу повидать и рассказать читателям о таких советских городах, которых не знают многочисленные журналисты, описывающие на всех язы-

ках Запада Кремлевские соборы, станции метро, Большой театр и новый университет на Ленинских (Воробьевых) горах в Москве, набережную Невы, Невский проспект, б. Императорские театры в Ленинграде, фонтаны Петродвора (Петергофа) и парк Пушкина (Царского Села). Поэтому я смогла повидать и теперь поведаю читателям о тех городах, которые не описаны сейчас в западной печати и особенно интересны тем рассеянному по всем материкам читателям «Нашей Страны», которым эти города дороги по воспоминаниям; затем мне говорили, что природа Крыма и Кавказа, если даже судить о ней с парохода и по коротким посещениям портовых городов, живописнее и ярче природы Подмосковья и того края, где, по словам Пушкина, шумит «лес, неведомый лучам в тумане спрятанного солнца». Прошу прощения у тех читателей, которым по воспоминаниям счастливой юности берега Невы или очертанья Москвы, или Киевское Приднепровье кажутся краше и милее вызвавших мой восторг незабываемых красот Черноморского побережья.

Не буду распространяться ни о моих иностранных спутниках с их нанизанными впечатлениями (все они много меньше меня читали о России и, не зная ее языка), ни о морском путешествии из Средиземного моря, через Дарданеллы и Босфор, с посещением современного Истанбула, сотни раз описанного на всех языках.

Я испытывала вполне понятное волнение, когда впереди показались неясные очертанья Одессы. Невольно я твердила слова Пушкина:

Я жил тогда в Одессе пыльной... Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Своем подьмет паруса;
Там все Европой дышит, веет.
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдован тяжелый
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали...

Перед нами показался высокий белый маяк, стоящий на самом конце дугообразного мола, затем берег с подъемными кранами и стоящими на причале советскими и изредка иностранными парходами и теплоходами.

Мы подошли к пассажирской пристани; на борт поднялись представители пограничной охраны МВД и таможи, санитарный врач и встречающие иностранные суда портовые власти. После скучных и томительных формальностей мы сошли на берег в сопровождении гидов Интуриста, сопровождающих всякие экскурсии и делегации, хотя бы те и имели своих переводчиков; впрочем с этими любезными и воспитанными чекистами можно ладить, если их не подводит ставящими их в шекотливое положение вопросами, хотя иногда удачный вопрос заставляет этого молодца или девицу рассказать чуть больше, чем предусмотрено по программе.

Мы начали подниматься наверх по прекрасной лестнице к Приморскому бульвару. Гид пояснил, что при 140 метрах длины она ведет на высоту 24-х метров и выстроена при Николае Первом в 1837-48 г.г. итальянским архитектором Боффо с русским — Мельниковым. Гид сказал, что лестница называется «Потемкинской».

— Значит, в честь основателя Одессы Потемкина, — блеснула я знанием русской истории.

— Совсем нет, — поправил меня гид, — ее так назвали в 1955 г. по случаю 50-летия обстрела царских войск в Одессе моряками броненосца «Потемкин», выступившими по призыву большевиков против самодержавия. Помните кинофильм «Броненосец Потемкин» — там показано, как на этой лестнице солдаты стреляют по рабочим, которые хотели прорваться в порт, когда началось восстание на броненосце!

Вот, сразу, первое впечатление о том, как большевики воруют исторические памятники, присваивая им свои воспоминания. Пусть на лестнице было столкновение войск с рабочими, но строил город Потемкин, и лестницу могли бы назвать, хотя бы, в честь ее строителей.

Перед лестницей, на бульваре, перед нами встал памятник Ришелье. Он стоит на прежнем месте, неповрежденный ни революцией, ни последней войной и напоминает мне славного эмигранта-монархиста, так много потрудившегося для страны, давшей ему политическое убежище, гостеприимство и службу, на которой он работал для России. Гид пояснил, что автор памятника, Мартос, известен и такими своими другими творениями, как памятник Минину и Пожарскому в Москве и памятник Ломоносову в Архангельске.

Предложив нам передохнуть после подъема по лестнице, гид начал говорить:

— Перед вами город-герой. Этот титул после войны получили также Ленинград, Сталинград и Севастополь, который вы увидите при вашей поездке. Он построен в 1794 г. и был весь прошлый век нашим первым торговым портом. Город славен в истории не только русской революции, но и революции греков против султана. Здесь в 1814 г.

постоянно мерещилась «контрреволюция» и военная диктатура!

Не этим ли именно страхом объясняется и следующее преступление Вр. Правительства, олицетворенного в данном случае Керенским, — предательское поведение по отношению к Корнилову перед его выступлением и в момент последнего. Как мы уже говорили, даже либерал Набоков квалифицирует это поведение, как «черное пятно» на политической карьере Керенского. Можно по-разному относиться к позиции, занятой генералом Корниловым в первые дни революции, можно высказывать мнение, что другой генерал, более глубоко усвоивший смысл присяги, данной им в свое время своему Государю, по крайней мере уклонился бы от исполнения полученного им приказа и не арестовывал бы свою Императрицу, — но нельзя ни на одну минуту сомневаться в том, что, предлагая Керенскому ввести верные правительству войска в Петроград и покончить раз и навсегда с преступными замыслами большевиков, Корнилов имел одну единственную цель — спасти Россию, создать в ней твердую власть, восстановить порядок в Армии и повести ее к последней победе, и что он был совершенно чужд намерению разогнать Вр. Правительство, повесить самого Керенского и т.п. А потому факт остается фактом — Керенский испугавшись за свою шкуру и для ее спасения решил прибегнуть к клевете, лжи и предательству — что ему и удалось. Но, — спросим мы, — где же были в это время остальные члены Правительства? Почему они не оказали максимального давления на этого несчастного истерика и жалкого труса, чтобы он, наоборот, полностью солидаризировался с Корниловым, дабы совместными усилиями Правительства и верных ему войск окончательно ликвидировать денкинскую банду, разогнать петроградский гарнизон шкурников и дезертиров и навести нужный порядок и в войсках, и во всей стране? Ясно, что для этого нужны были патриотическое горение, гражданское мужество и даже личная храбрость — откуда могли они взяться у этих маленьких людишек с искривленным национальным самосознанием или с полным извращением последнего?

Но самое главное преступление Вр. Правительства состоит в допущении им большевистской пропаганды в войсках и в стране, вместо самой решительной ликвидации этих подлинных врагов народа и предотвращения, тем самым, всех последовавших бедствий и страданий нашей Родины. Самым яр-

ким доказательством преступной слабости и пассивности Вр. Правительства в этом вопросе является позиция, занятая им в отношении большевистских главарей после июльского восстания, организованного этими последними. В этот момент министр юстиции Вр. Правительства располагал совершенно достоверными и неопровержимыми данными о том, что большевики работают на деньги германского генерального штаба, что их главной целью является полный подрыв боеспособности в нашей армии и, следовательно, они являются самыми предстоящими преступниками, подлежащими обвинению в государственной измене и, как таковые, должны быть преданы военному-полевному суду. Этот же самый момент был особенно благоприятен для предприятия такой акции Временным Правительством: подавляющее большинство населения, армии и даже петроградского гарнизона было возмущено открыто циркулировавшими слухами о наличии несомненных доказательств большевистского предательства и полностью поддерживало Вр. Правительство. Последнему было бы чрезвычайно легко арестовать большевистских главарей, предать их суду, объявить большевистскую партию вне закона и, таким образом, в корне ликвидировать ту духовную заразу, которая подготовляла Октябрь. Ничего этого Вр. Правительство не сделало, арестованные были в начале некоторые большевистские лидеры были выпущены на свободу (сам Керенский потрундился приехать к арестованному Троцкому, чтобы лично освободить его), компартия осталась нетронутой, ее руководители через некоторое время снова приехали за свою разлагательскую работу и за энергичную подготовку к новому восстанию, в чем и преуспели. Кто же, собственно говоря, обеспечил успех Октябрьского переворота, как не само Вр. Правительство? А потому с полным правом можно утверждать, что именно оно виновато во всех последующих неслыханных несчастьях нашего народа, в крови расстрелянных, в голодной смерти миллионов наших собратьев, в нечеловеческих страданиях концлагерников, в душевных муках их родных и близких... И Бурцев, пылко восклицавший: «Проклятие вам, большевики!», поступил бы гораздо правильнее, если бы кричал: «Проклятие тебе, керенщина!», ибо именно в этом слове выразился весь этот жалкий комплекс бездарности, трусости, отсутствие намека на гражданское мужество, лицемерия, демагогии и просто всяческого вранья,

греки создали общество «Этерия», готовившее восстание против турок, как сейчас они восстают против английских империалистов на Кипре. В Крымскую войну Одесса отбила нападение тех же англичан. Здесь в 1875 г. создан «Южно-российский союз рабочих», но всех его участников арестовали. На заре XX века здесь возникла наша большевистская организация, в которой работали брат Ленина, врач Дмитрий Ильич Ульянов, и Розалия Самойлова Землячка.

— Как ее настоящая фамилия? — спросила я.

— Залкинд, — ответил гид, — но в историю нашей партии она вошла под псевдонимом.

Он, конечно, умолчал о том, что в этой организации главную роль играл еще юный реалист Лев Бронштейн, псевдоним которого — «Троцкий» — известен не только в России, но и за границей. Эту поправку я потом сообщила моим спутникам, добавив, что о Землячке и брате Ленина в истории партии не говорится, настолько их роль была незначительна. Затем гид обратил наше внимание на то, что на 3-м съезде партии Ленин был делегатом от Одессы что в первую революцию здесь руководил большевиком Воробьевский, убитый в Лозанне в 1923 г. «белогвардейцем» Конради. Я опушу его длинный рассказ о «Потемкине», о борьбе за Одессу в годы гражданской войны, о восстании французских моряков в Одесском порту, после расстрела подпольщицы Жанны Ляурб, бывшей французской гувернантки в Москве, которую Ленин прислал для пропаганды на французском языке среди экипажей французских судов. Так же долго он описывал бои с немцами и румынами за Одессу и сравнивал расстрелянных немцами партизан-подпольщиков Авдеева-Черноморского и Молодцова-Бодаева с расстрелянными

Добровольческой Армией большевиками Николаем Ласточкиным или Жанной Ляурб; в честь этих мастеров партийной подпольной работы названы лучшие улицы Одессы.

Я так подробно передаю его рассказ, чтобы показать, что гидам дано задание в первую очередь говорить не об истории развития города и его культурных памятников, а о большевистской подрывной работе до революции, при Белых и при немцах. Нечего и добавлять, что царские чиновники, Добровольческая армия Деникина и германские войска всегда одинаково изображаются советскими официальными гидами, как изверги, терзавшие русский народ; это мне пришлось наблюдать еще в ряде случаев на протяжении всего нашего путешествия.

Пройдя немного по Приморскому бульвару, мы увидели большое здание с надписью «Дворец Морьяка». Гид пояснил, что здесь еще при Временном Правительстве заседал большевистский Совет депутатов Румынского Фронта и Черноморского флота, который тогда звали «Румчерод».

В конце бульвара нам показали старинную пушку на каменном покое в центре небольшой площадки. Это орудие поднято водолазами со дна моря с английского фрегата «Тигр», напавшего на Одессу 30 апреля 1854 г. «Зажженный снарядами русской артиллерии в берегов Среднего Фонтана фрегат «Тигр» взорвался и затонул», прочла я надпись на этой пушке. Гид сказал, что батарея, потопившая фрегат командовал молодой прапорщик Шеголев, герой русского флота, вошедший в историю.

Затем на бульваре мы увидели бронзовую бюст Пушкина на гранитном пьедестале поставленный с некоторым опозданием в 1888 г. по случаю 50-ой годовщины смерти А.С.Пушкина. Гид сказал, что поэт жил на Пушкинской

Библиография

О КНИГЕ Г. В. МЕСНЯЕВА

Я пишу эти строки, чтобы горячо рекомендовать вниманию читателей недавно вышедшую в свет книгу Г.В.Месняева: «За гранью прошлых дней». Произведение это замечательно во многих отношениях, и я читал его с глубоким волнением: от самого начала и до конца, книга эта оваяна и проникнута дыханием подлинного романтизма и поэзии, от которых нас, в течение последнего полувека, старательно отучали многие из русских писателей. В своем художественном подъеме Месняев достигает местами — с полной оригинальностью и без всякой подражателности — подлинных высот, не уступая даже лучшим из классиков того же жанра...

То, что я пишу, не только субъективное ощущение. В самом деле, если бы меня просили в краткой и лапидарной форме определить высшую цель художественной литературы, то я сказал бы, что это — стремление, при по-

который проявили эти недоноски российского либерализма, погубившие плоды грандиозно расцветавшего благосостояния русского народа, украсившие у него победу над врагом, позорно предавшие его врагу еще худшему... И, как и в деле с обречением Царской Семьи на муки и смерть, в наших глазах эти люди могут, в лучшем случае, быть не самостоятельными вершителями судеб нашего великого народа, а лишь слепым орудием и рабскими исполнителями заданий тех закулисных мировых сил, которым нужно было не только вывести из строя Великую Россию именно в данный исторический момент, чтобы без нее решать судьбы мира на предстоящей мировой конференции, но и вообще сразить главный оплот учения Христа на земле и сбросить в грязь, кровь, рабство и безбожие ту Святую Русь, которая жила в душе нашего народа и которая, при дальнейшем сохранении во главе ее Самодержавной и Народной Монархии, заняла бы первое место в мире и показала бы пример всему человечеству, на каких основах должна быть построена и организована его жизнь, дабы оно могло с чистой совестью поднять глаза к небу и засвидетельствовать перед Всевышним, что оно не напрасно возносило к Нему данную нам Его Сыном молитву: «Да будет воля Твоя!»

Н. Поточкий

мощи прекрасного, как формы, поднимая людей до созерцания возвышенного, как содержания.

В основе Прекрасного, как прием, лежит обобщающая деятельность продуктивного воображения, заменяющая единичные предметы и события их родовыми, типичными образами; что же касается Возвышенного, то — не вдаваясь здесь в философские тонкости — можно сказать, что это ни что иное, как конкретное изображение и как бы воплощение той или другой из объективных и абсолютных ценностей.

Указанную мною высшую задачу современная литература почти совершенно забыла — и если писатель талантливо, наглядно и типично описывает хотя бы самую незначительную действительность, то литературная критика готова уже аплодировать, считая, что этот автор достиг вполне последнего предела искусства.

На самом же деле, это совсем не так: нужно уметь не только хорошо и типически описывать, но и зорко видеть и чувствовать, что именно из всего многообразия жизни достойно описания! Можно прекрасно и типично описать скучных, глупых и бездарных людей и их жалкую грязню между собою, но, какой от этого будет прок? В лучшем случае это будет только этюд, подобный живописному эскизу, типичски изображающему в красках на полотне грязную босую ногу усталого путника...

Нет, настоящий писатель не только умеет типично и в родовых формах описывать, но и обладает, кроме того, высокой душой, видящей вокруг себя не одни лишь существующие вещи и события, но также и самодовлеющие объективные ценности — и только на последних, главным образом, и сосредоточивает свое внимание. Этим он поднимает также и читателя до созерцания возвышенного, как такового, и до ощущения духовности и ценности жизни вообще.

Всеми указанными качествами подлинного, большого писателя Г. В. Месняев обладает в полной мере — и чтение его книги, в условиях нашей жизни, равносильно вдыханию свежего лесного воздуха, после пьяной оргии в накуренной и заплесанной комнате...

Д-р фил. Н. А. Реймерс
«Военная Быль»

Контора газеты «Наша Страна» очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Пушкина, Гоголя и Глинки и различными скульптурными группами. Прекрасный театр был построен еще в 1883-87 г.г. архитектором Гонсоровским, а теперь ему дали глупое название «Театр оперы и балета имени Луначарского» в честь давно умершего наркома, известного больше своим развратом, чем партийными заслугами, как мне говорил один коммунист. Тот же Гонсоровский построил еще в 1883 г. величественное здание Археологического музея с высоким портиком и изящными колоннами.

На второй день пребывания нам показали построенный после войны железнодорожный вокзал. Это длинное двухэтажное здание с куполом и скульптурной группой над главным фронтоном. Под ним — три арки, над которыми написаны три даты: над левой «1905» (год первой революции), над второй — проклятая цифра «1917», над правой — «1944» (год захвата Одессы большевиками и новой расправы над ее населением). Затем нас повели смотреть Одесские музеи, о которых расскажу в следующий раз.

Вернувшись к себе на наш теплоход, мы поделались впечатлениями: иностранцы отлично поняли, что все красивые памятники, начиная с «Потемкинской» лестницы, все здания, кроме железнодорожного вокзала, построены были в Императорский период русской истории; что большевики ничего красивого построить в Одессе не сумели; если же их благодарить за то, что они сохранили эти здания, то эту заслугу должны разделить с ними и Добровольческие войска и армии Гитлера и маршала Антонеску, которые пощадили при бомбардировках и штурмах лучшие памятники и здания Императорской Одессы, которыми теперь хвастают перед иностранцами советские гиды.

Александра Воронцова

